

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Хлебников И.Д., м.соц., старший преподаватель
Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова,
г. Караганда

Эволюция войны в исторической перспективе обусловлена комплексом факторов. К числу наиболее важных из них можно отнести формирование и развитие политических институтов; появление постоянных армий и специальной военной технологии; изменение экономической и военно-технической базы, связанное с научно-технологическим прогрессом; индустриализация войны; изобретение ядерного оружия; информатизация и цифровизация военных технологий.

Многие авторы, к примеру, Э. Гидденс, считают, что в раннеархаических обществах не велось войн как таковых, так как не было специальных военных организаций и технологий, института государства, что приводило к отсутствию «сколько-нибудь выраженного желания покорять или поработать других» [1, р. 121]. Иначе говоря, войны в действительном смысле этого слова (в качестве продолжения государственной политики иными средствами) появляются с возникновением государства, тогда как в догосударственных обществах вооруженные столкновения по своей сути войнами не являлись.

Для того, чтобы вооруженный конфликт имел объективную возможность перерасти в войну, необходимо наличие специальной организации, выделение особой военной технологии, оказывающей институционализирующее воздействие. Возникновение государства, важнейшая функция которого состоит в обеспечении безопасности общества, инициировало появление института армии, подчинило войну потребностям общества и (или) политической элиты. Таким образом, с появлением государства и выделением института армии произошла институционализация вооруженных конфликтов, превращение их в войну.

Но достаточно популярен и другой взгляд, согласно которому вождь и его дружина образуют так называемые вождества, которые посредством удачных войн и завоеваний преобразовывались в государства [2, с. 120; 3, с.150-151].

В первом случае социальная природа войны представляется более очевидной: война понимается прежде всего как результат или средство деятельности государства, направленной на защиту общества и реализацию общественных потребностей и интересов. Во втором же она может быть выражением интересов какого-нибудь социального слоя, узкой группы, даже чьего-то личного каприза.

Но в истории могло иметь место сочетание этих двух тенденций; как отмечает английский историк Ч. Тилли, «государство создало войну, и война создала государство» [4, р. 7]. Первая тенденция выразилась в обеспечении самозащиты, а вторая – в милитаристских устремлениях, преобладании в обществе военных ценностей и практики. Исторически возобладает та или иная тенденция; если вторая, то происходит захват власти военщиной, война навязывается обществу, что ведет к искажению ее социальной функции.

Эволюция войны в самом общем очерке характеризуется стойкой тенденцией углубления ее институционализации [5, с. 306].

Потребность в эффективном ведении войн инициировала создание постоянных армий и выделение специальной военной технологии, к которой можно отнести как средства вооружения, так и военную стратегию и тактику. Со становлением армейского института связано формирование замкнутой касты профессиональных воинов с ограниченным доступом. Такая организация вооруженных сил поддерживала их относительно небольшую численность. Изменения в характере войны в этот период происходили в основном под воздействием незначительных технических нововведений и не затрагивали принципиальных аспектов военной организации и сущности войны (феодалскую дружину, институт наемников, армию, набранную по рекрутскому набору, можно с различными оговорками отнести к организации профессиональных воинов).

Качественные изменения в структуре военной организации и характере войны произошли в Новое время в результате развития индустриализации, связанной с величайшими политическими, экономическими и научно-техническими преобразованиями в этот период. Появление крупных постоянных армий, основанных на системе регулярных призывов и всеобщей воинской обязанности, введение строгой дисциплины и профессионального военного обучения, бюрократизация офицерского состава как следствие соблюдения жесткой иерархии и принципа универсализма, а также

качественные изменения в области вооружения привели к небывалому увеличению масштабов и разрушительности военных конфликтов.

Индустриализация войны знаменовала переход от войны ограниченной к тотальной, затрагивающей не только армии воюющих государств, но и в той или иной степени все их население. Две мировые войны были весьма показательны в этом отношении. В XX веке произошло также расширение содержания войны, которое перестало исчерпываться лишь вооруженной борьбой, все более дополняясь экономическим, дипломатическим, информационным и другим противодействием [6, с. 268-269]. Изобретение ядерного оружия и его «использование» в качестве фактора сдерживания, привело к существенному изменению масштабов войн: если в первой половине двадцатого столетия они все более расширялись, приобретая глобальные размеры, то начиная с его середины набирает силу тенденция регионализации и даже локализации военных конфликтов. Возможность уничтожения всего человечества в глобальной войне привела к осознанию того, что война между странами, обладающими ядерным потенциалом, не может являться средством достижения политических целей. Более того, для современных индустриальных и постиндустриальных обществ, в силу их исключительно сложной и дифференцированной экономико-технологической структуры, была бы губительна и «обыкновенная» неядерная крупномасштабная война. Известный американский исследователь Ч. Москос отмечал еще в конце прошлого века: «Новой тенденцией является то, что войны между развитыми странами ... уходят в область маловероятного ... Мы являемся свидетелями рождения эры, в которой война, во всяком случае между сверхдержавами, - больше не будет основным, а тем более неизбежным способом разрешения конфликтов» [7, с. 78].

Однако, несмотря на локализацию масштабов вооруженного насилия, войны в двадцатом веке приобретали все более террористический характер: мирное население противника стало рассматриваться как объект вооруженного воздействия, что явилось прямым следствием приобретения тотальности войнами. Усиление террористических тенденций современных войн, имеющих в качестве военно-технологической основы всевозможные виды оружия массового поражения, можно проиллюстрировать с помощью статистических данных: удельный вес жертв среди мирного

населения от общего количества погибших составил в Первой мировой войне 5%, во Второй мировой – 50%, в войнах в Корее – 84%, во Вьетнаме – около 90%, в Чечне – до 95% [8, с. 128].

Наряду с указанной тенденцией к локализации, сокращению масштабов вооруженных конфликтов, существуют качественно новые явления, связанные с социально-историческими и технологическими трансформациями, произошедшими на рубеже XX и XXI веков. Вследствие колоссальных человеческих жертв и экономических потерь, обусловленных глобальными вооруженными конфликтами первой половины прошлого века, произошла своего рода делегитимация войны в общественном сознании, закрепление в его структуре «постгероических» настроений. Несмотря на то, что в настоящее время наблюдаются сравнительно небезуспешные попытки со стороны политического руководства некоторых стран и движений сформировать общественный консенсус на основе милитаристского базиса, воспринимаемого преимущественно в исторической перспективе, практически повсеместно наблюдается «крайнее нежелание мириться с возможными потерями, которые стали гораздо значимей, чем во времена, когда общая численность населения была, пожалуй, куда меньше, но семьи куда больше» [9, с. 100]. Тем не менее, говорить о вытеснении войны из области международных отношений в стратегически обозримой перспективе явно преждевременно.

Война как исторический феномен в процессе своей эволюции подверглась воздействию множества факторов, оказавших значительное влияние на ее природу как в качественном, так и в количественном плане. В настоящее время происходит дальнейшая трансформация технологий и характера войны, но не ее функциональности как исторического явления. Наиболее важным аспектом в этом отношении следует признать тот факт, что в двадцать первом столетии войны все чаще начинают носить ассиметричный характер, все чаще перестают быть межгосударственными. Этому способствовали не только масштабные социальные изменения исторического масштаба, но и появление новых технологических возможностей, не только расширяющих тактическое содержание вооруженных конфликтов, но неизменно затрагивающее и стратегические приоритеты. В настоящее время военное содержание конфликтов дополняется информационным,

цифровым, медийным противостоянием, что усложняет характер современных войн и объективно затрудняет их урегулирование.

Список использованной литературы:

1 Giddens, A. Europe in the Global Age. Cambridge, Malden: Polity Press, 2007. – 256 p.

2 Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. В 2-х томах. Т.2. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994 – 245 с.

3 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (издание второе). Т.21. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 23-178.

4 Tilly C. Reflections on the History of European State-Making. In: The Formation of National States in Western Europe, ed. by Charles Tilly. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1975. Pp. 3-83.

5 Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. // Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: ТЕРРА - Книжный клуб; Республика, 1998. – С.254-357.

6 Кревельд М. ван Трансформация войны. – М.: ИРИСЭН, 2019. – 320 с.

7 Москос Ч. Вооруженные силы в обществе отрицания войны. // Армия и общество. – М.: Прогресс, 1990. – С.80-83.

8 Куманьков А.Д. Война, или в плену насилия. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 164 с.

9 Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. – 392 с.